

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс,
Глэдис Митчелл – три гранд-дамы
золотого века английского детектива,
основательницы легендарного
«Клуба детективов».

Глэдис Митчелл долгое время
оставалась в тени своих знаменитых
современниц. Однако сегодня ее книги
о расследованиях эксцентричной
миссис Брэдли переживают
второе рождение. Многие из них
экранизированы Би-би-си.

GLADYS
MITCHELL

THE SALTMARSH
MURDERS

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

.....
УБИЙСТВА
В СОЛТМАРШЕ
.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М67

Серия «Золотой век английского детектива»

Gladys Mitchell
THE SALTMARSH MURDERS

Перевод с английского *Е. Корякиной*

Серийное оформление *В. Половцева*

Компьютерный дизайн *К. Парсаданяна*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Gregory & Company Authors' Agents и Andrew Nurnberg.

Митчелл, Глэдис.

М67 Убийства в Солтмарше : [роман] / Глэдис Митчелл ; [пер. с англ. Е. Корякиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 288 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-093947-3

Убита молодая служанка Мэг, которая еще недавно работала в доме викария. А вскоре бесследно пропал ее маленький сын.

Но кому надо было избавляться от нее? Кто и зачем похитил ее ребенка?

Полиция теряется в догадках, и тогда к расследованию подключается миссис Брэдли. Она выдвигает предположение: убийство Мэг связано с таинственным исчезновением одной местной красавицы актрисы...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-093947-3

© Gladys Mitchell, 1932

 Школа перевода Баканова, 2014

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2015

Глава I

ФОРТЕЛИ МИССИС КУТТС

В том, чтобы рассказывать от первого лица, в особенности когда речь идет об убийстве, есть масса неудобств. Однако я был замешан в этом деле с самого начала и до конца, видел столько всего и в таких разнообразных ракурсах, и с таких разных точек зрения, что не могу оставаться в стороне и вести рассказ беспристрастно.

Я учился в Оксфорде и уже готовился к адвокатуре, когда скончался мой дядя-холостяк, оставив мне тридцать тысяч фунтов с условием, что я стану священнослужителем. Моя мать и сестры жили на двести пятьдесят фунтов в год, да еще я задолжал отцовскому другу сэру Уильяму Кингстону-Фоксу, который помогал оплатить мою учебу. Я быстренько ухватился за такую возможность и три года проработал в трущобах Ист-Энда. Потом сэр Уильям рекомендовал меня преподобному Бедиверу Куттсу, викарию деревни Солтмарш, и я стал его помощником.

Мистер и миссис Куттс мне не нравились, зато нравились Уильям и Дафни. Дафни, когда мы познакомились, было восемнадцать, а Биллу, то есть

Уильяму, — четырнадцать. В Дафни я, нечего и говорить, потом влюбился. Точнее, сразу. Дафни и Уильям приходились старому Куттсу племянниками и носили ту же фамилию.

Теперь я понимаю: бикфордов шнур начал тлеть в тот роковой день, когда миссис Куттс узнала, что наша служанка, спокойная, вежливая и весьма хорошенькая деревенская девушка по имени Мэг Тосстик, ждет ребенка. Сама Мэг знала об этом, наверное, уже месяца три, но держала рот на замке, а нервы свои — на привязи. Что по меньшей мере очень похвально, ибо забеременеть, не будучи замужем, да еще у такой хозяйки, как миссис Куттс, — от эдакого впору биться в истерике (не мое выражение, а Дафни).

К чему привело открытие миссис Куттс, представить нетрудно. Девушку погнали прочь, хоть она и говорила хозяйке, что отец поколотит ее и вышвырнет на улицу, если она лишится работы; этот старый черт неизменно являлся на обе воскресные службы — он выполнял у нас обязанности жезлоносца.

Еще миссис Куттс сказала мужу, что за Мэг следует возносить общественные молитвы.

Если в Куттсе и было чем восхищаться, так лишь тем, что, несмотря на весь трепет перед женой, он никогда не позволял ей вмешиваться в свою работу. Дома она властвовала безраздельно, а в церкви, как и велит женщинам Библия, вела себя смиренно.

Общественные молитвы, ответил он жене, начнут возносить, буде того пожелает сама девушка, а потом спросил у меня, пойду ли я к Мэг домой попытаться урезонить ее отца или же ему пойти самому. Я, нечего и говорить, предоставил это ему.

В конце концов Мэг взяли к себе мистер и миссис Лори, хозяева таверны — необыкновенно, кстати, друг на друга похожие, — и обещали о ней позаботиться. Я не знал, заплатил ли им Куттс, скорее всего заплатил. Хоть он мне и не нравился, когда дело касалось его прихожан, старик вел себя исключительно достойно. Да еще выходка жены задела его за живое. Так или иначе больше мы о Мэг Тосстик ничего не слышали, до самого рождения ребенка.

Первой новостью, нечего и говорить, узнала миссис Куттс.

— Ну вот и дождались, — сказала она, войдя в кабинет, где мы работали с Куттсом, сняла нитяные перчатки и, расправив, положила на маленький столик красного дерева, доставшийся ей в наследство от матери. Столешница его была выложена квадратиками эбенового дерева и светлого дуба, но в шахматы никто в доме не играл, и потому на столе помещался маленький недорогой граммофон и две жестяные коробки от сигарет. Голубая жестянка с золотыми буквами — для новых игл, желтая с красными — для использованных. Я к этим жестянкам был равнодушен, потому что мы с Дафни частенько заводили граммофон и танцевали.

Миссис Куттс сняла довольно уродливую коричневую шляпку, водрузила ее на граммофон, привычным жестом поправила волосы.

Супруга викария была высокая сухопарая дама с тонкими светлыми бровями и темными глазами, столь глубоко посаженными, что разобрать их цвет я не мог.

Упрямая линия рта и срезанный подбородок сводили на нет все попытки носа придать лицу благородно-добродушное выражение.

Миссис Куттс уселась в единственное удобное кресло, тяжело вздохнула и принялась нервно постукивать по обитому кожей подлокотнику. Именно ее нервозность меня всегда и раздражала. Руки у нее были красивые — длинные сильные пальцы. Она неплохо играла на пианино.

Как обычно, миссис Куттс немедля начала цепляться к своему благоверному, который, к моей тихой радости, не обратил на ее приход никакого внимания, только языком недовольно цокнул.

— Тебе нечего сказать, Бедивер? — осведомилась она.

— Нет, дорогая, вроде бы нечего, — ответил ее муж. — Ты не могла бы перестать постукивать? Это мешает мне сосредоточиться на проповеди.

— Если выступление получится таким же, как в прошлый раз, совершенно не важно, сосредоточишься ты или нет, — сурово сказала миссис Куттс.

Замечание, нечего и говорить, было справедливое. В прошлый раз он и на сорок процентов не выложился.

— Ты меня обяжешь, дорогая, если не будешь называть мои проповеди выступлениями. — Старикан отложил перо, отодвинулся вместе со стулом и повернулся к жене. Я уже поднялся, чтобы выйти, но он жестом велел мне вернуться к работе. Я проверял для него цитаты из классиков.

— Вижу, не видать мне покоя, пока я не узнаю все новости, — добавил он. — Так раскрой мне душу, милая Кэролайн, и будь краткой. Проповедь нужно дописать сегодня. Завтра, как ты знаешь, мне предстоит судить матч.

Он встал, снял пенсне и одарил спутницу жизни слабой улыбкой.

Куттс был мужчина средних лет с суровым лицом и голубыми глазами. Здоровенный такой субъект, с легким наклоном торса, характерным больше для спортсмена, чем для человека, проводящего много времени за книгами. Ручищи у него были волосатые, челюсть — как у профессионального борца, под брюками обрисовывались мускулистые ноги.

Выглянув в окно, викарий вдруг заревел: «Эй! Эй там!!» Я даже подпрыгнул от неожиданности. Оконное стекло в старой раме задребезжало, а миссис Куттс испуганно вскочила.

— Не волнуйся, дорогая. Там Уильям с курами. Мальчик — сущее наказание. Буду рад, когда каникулы закончатся; правда, он нужен на игре в крикет против Мач-Хартли. Нам недостает одного игрока, потому что сэр Уильям посадил Джонстона за браконьерство. Да уж, сэр Уильям скорее

отпустит матереубийцу, чем браконьера. Вот досада! Джонстон — неплохой подающий.

— Какое мне дело до крикета! Меня беспокоит этот злосчастный праздник — Августовский выходной*.

— Ты про состязания? — Уведя разговор от своей последней проповеди, Куттс взбодрился.

— Я не про состязания, Бедивер, хотя и не сомневаюсь, что другие деревенские дела тебя не интересуют.

Старикан испустил вздох и опять заметно сник.

— А какие там могут быть дела, кроме обычных?

Супруга, увидев слабое место в его обороне, мигом сделала подачу:

— Если ты понятия не имеешь о том, что творится в деревне, то не по моей вине. Я неоднократно пыталась поставить тебя в известность. И должна тебе заметить, даже рискуя показаться навязчивой: безобразия, царящие на этих праздниках, необходимо пресекать. Если все пустить на самотек, деревня завоюет себе славу Содома и Гоморры. Твой несомненный долг объявить в ближайшее воскресенье с кафедры, — а в следующее воскресенье повторить, — что ты публично заклеишь тех, кто на празднике в парке сэра Уильяма Кингстона-Фокса станет попирать законы нравственности и добропорядочности.

— Но, девочка моя дорогая, — ответила, собравшись с силами, отбивающая сторона. — Во-

* Официальный выходной день в Великобритании; до 1965 года отмечался в первый понедельник августа. — Здесь и далее примеч. пер.

первых, епископ увидит в подобном заявлении дешевый трюк для привлечения народа в церковь, а во-вторых, откуда мне, скажи на милость, знать, как ведут себя деревенские на празднике? Ты не хуже меня помнишь, что вся моя деятельность сводится к помощи в установке чайного шатра и проведению детских состязаний — да и то если не помешает мое участие в соревнованиях по крикету. Вечером, как тебе отлично известно, я возвращаюсь сюда, закрываю окна и включаю радио. Когда люди танцуют и резвятся, священник им без надобности.

Миссис Куттс скривилась.

— Тебя ничто не трогает, Бедивер, пусть хоть вся деревня в ад провалится, — горько сказала она. — Вот и результат: и Мэг Тосстик, и все прочее. Кстати, меня даже не удостоили чести ее лицезреть, вот так! Нет, правда, положение в деревне...

— Послушай, Кэролайн, — Куттс опустил на стул, свесил между колен волосатые ручки, — давай смотреть фактам в лицо. Все я отлично знаю. И все это сущие пустяки. Тебе знакомы здешние порядки, и не такие уж они и скверные. Я не раз в подобных случаях проводил обряд венчания и готов доказывать тебе и любому другому моралисту, что ничего сугубо греховного в таком положении вещей нет. Вот если парень не хочет жениться — дело другое. Однако, будь оно неладно, деревня маленькая, и каждый на виду, и ему обычно некуда деваться. Что же до той бедняжки в таверне, то, думаю, она еще слишком слаба и не

может принимать гостей, даже тебя! А теперь, если это все...

— Нет, не все. — Миссис Куттс сложила и развела ладони. — Не все, — повторила она.

В комнате царила тишина, только муха жужжала на оконном стекле. Бедивер Куттс, женатый уже девятнадцать лет, терпеливо ждал.

— Как я сказала, я пошла ее навестить. Ребенок родился сегодня в два ночи. — Руки у миссис Куттс дрожали, лицо от негодования перекошилось. — Бедивер, мало того, что меня к ней не пустили, так еще, если верить миссис Лори, которая со мной едва разговаривала, Мэг Госстик не желает сообщать имя отца и никому не показывает ребенка. Она непоколебима. Конечно же, все подозревают самое худшее. Это просто ужасно. А миссис Лори ей еще и потекает!

— А что здесь ужасного? — поинтересовался викарий, разворачиваясь вместе со стулом и берясь за перо.

Миссис Куттс провела языком по губам.

— Сквайр, — сказала она, понизив голос.

О моем присутствии оба, видно, забыли.

— Кингстон-Фокс? Какой вздор, Кэролайн!

Куттс стряхнул с пера чернила на промокашку.

— В любом случае... — Миссис Куттс покраснела и стала похожа на сморщенное райское яблочко.

Викарий опять развернулся.

Мне очень хотелось уйти, но я боялся их спугнуть.

— И не просто вздор, а вздор опасный. Слышишь, Кэролайн? Больше этого не говори. Сэр Уильям — наш друг и мой покровитель. Тот, кто такое измыслил, заслуживает каторги! Отвратительно! — раскричался Куттс. Лицо у него покраснело, глаза налились кровью, словно у пьяницы, дышал он как после пробежки. Волосатые ручищи с силой вцепились в подлокотники. Потом он неожиданно обмяк и заговорил тише:

— Знаю, даже лучшие из женщин любят пикантные истории. Но, пожалуйста, Кэролайн, оставь в покое Кингстон-Фокса!

Миссис Куттс поднялась, взяла шляпу и перчатки. Не говоря ни слова, она вышла из кабинета.

Старик пожал плечами и посмотрел на меня.

— Порой я готов проклинать все праздники, — сказал он. — Причем, по общему мнению, Уэллс, она права. Да, деревенские ведут себя неприлично. Однако меня это как-то не волнует и никогда не волновало.

Да, нечего и говорить, миссис Куттс не без странностей. Ведь замужняя женщина, пусть и нет своих детей, но — и только старик Куттс этого не понимал — она совершенно не выносила, когда местные жители предавались безыскусным сельским утехам — плеснуть приятелю воды за шиворот на деревенском празднике, повалиться с подружкой на травке или прогуляться с ней в обнимку вечером. Понятия добра и зла тут были ни при чем. Просто у нее имелся пунктик, что любые сексуальные отношения — вещь страшно непри-

ятная и нечистая. А вообще-то деревенские вели себя почти пристойно. Молодые люди крутили любовь, а если это приводило к последствиям, шли к священнику и просили сделать оглашение. В целом то была нормальная публика, и к данному вопросу подходили они вполне практично. Иногда парни, ухаживая за девушками, заранее копили деньги на свадьбу, а уж если что-то случилось, а парень проявлял нерешительность, мы со старинной Куттсом его подталкивали — тихонечко или посильнее — к женитьбе.

Нечего и говорить, странно, что Мэг Тосстик ни в какую не соглашалась назвать имя отца, но я не понимал, какое до того дело миссис Куттс. К сожалению, у Мэг была подпорченная кровь. В Моут-Хаусе, где теперь проживают супруги Гэтти, раньше размещалась частная лечебница для душевнобольных. Однажды ночью одному пациенту удалось бежать, и он изнасиловал нескольких женщин и убил троих мужчин. Мэг была потомком того сумасшедшего и некоей Сары Парсетт. Кэнди, Боб Кэнди, работавший в таверне барменом, а по совместительству еще и вышибалой, тоже происходил по прямой линии от того несчастного. Между прочим, Боб ухаживал за Мэг Тосстик. Однако, будь он отцом ребенка, отчего бы ему не признать его и не жениться? Когда я без обиняков повел о том речь, он только сердито на меня покосился и сплюнул; я сделал вывод, что отец не он и что произошедшее немало его злит. И я, не-

чего и говорить, отступился. Какой смысл изображать сурового пастыря?

За чаем разговор опять пошел о предстоящем празднике. Для его проведения арендуется парк сэра Уильяма; две трети выручки сквайр отдает в фонд церкви. Устроители аттракционов платят пять фунтов наличными и дают нам шатер — в обмен на разрешение взимать с народа деньги за катание на карусели, качелях-лодочках, метание дротиков и стрельбу на призы. Аттракцион «сбивание кокосов» мы устраиваем сами; старый Лори, хозяин таверны, достает нам кокосы в несметном количестве через своего приятеля на лондонском рынке. В позапрошлом году мы сколотили помост, а для защиты зрителей натягиваем теннисную сетку. Мы с Уильямом руководим этим аттракционом в перерыве между иннингами крикетного матча с командой соседней деревни — еще один непременный атрибут Августовского выходного — и получаем пятьсот процентов прибыли. А на время матча нас заменяет старый Лори, и это очень с его стороны любезно, потому что каждый год он пытается добыть разрешение на торговлю пивом, и каждый год городской совет, возглавляемый сэром Уильямом, следуя рекомендации Куттса, который, в свою очередь, покоряется неизбежному в лице супруги, отвечает ему отказом.

Лори никогда не держит за это зла. Добродушный такой тип.

В следующую среду за чаем миссис Куттс заявила, что не представляет, как рассадит пятнад-